

ковных имуществах, изданного в том же 535 г.¹ Согласно этому закону запрещалось отчуждать каким-либо способом, путем ли продажи, дарения или обмена церковное имущество, движимое и недвижимое, в том числе сельских рабов (*ἢ ἀνδράποδα ἀγροικιά*) и колонов (*ἢ γεωργόν*)². Церкви африканского диоцеза получали разрешение отбирать у „незаконных“ владельцев как *res proprias*, так и *possessiones*³. Карфагенской церкви предоставлялись все права, которыми пользовались церкви метрополии⁴. Одновременно все инаковерующие, т. е. ариане, донатисты, иудеи, язычники, подвергались преследованиям; им запрещалось отправлять церковные обряды, занимать какие-либо общественные и административные должности и т. п.⁵

Но рабовладельческая знать и духовенство, наряду с требованием возврата земель, претендовали также и на возвращение зависимого населения, обрабатывавшего эти земли. Поэтому политика византийского правительства была направлена не только на реставрацию крупной земельной собственности, но и старых форм эксплуатации непосредственных производителей. Дело шло именно о реставрации, поскольку и в Северной Африке процесс ликвидации рабовладения, уже мешавшего развитию производительных сил, был значительно ускорен вторжением вандалов (в 30-х годах V в.), которые совместно с восставшими народными массами бывшей римской провинции разгромили политические органы рабовладельческого государства. Даже в источниках, составители которых были явно заинтересованы в извращении истинного характера социальных изменений, происшедших во времена господства вандалов, отмечается, что в этот период многие рабы (*servi rustici*) и колоны „бежали“ из имений своих бывших хозяев и сделались свободными⁶.

Освобождение значительной части рабов и колонов во время вандалского завоевания означало серьезное улучшение положения широких слоев непосредственных производителей африканской провинции. И хотя в дальнейшем, по мере роста классовой дифференциации в самом вандалском обществе и расширения крупного землевладения вандалской знати, последняя начинает широко пользоваться трудом местного населения, стараясь поставить его в зависимое от себя положение, потому что многих из освобожденных рабов и колонов сохранили свою свободу вплоть до конца существования вандалского государства. Об этом со всей определенностью сообщает рескрипт Юстиниана от 552 г. В нем говорится о „колонах, которые во времена вандалов бежали из поместий и жили среди свободных“⁷. О бегстве и освобождении колонов, рустиков и их детей⁸, „которые до прихода счастливейшего войска (т. е. до византийского завоевания. — З. У.) покинули свои места жительства“, говорится и в постановлении 558 г.⁹

¹ Nov. Just., VII, col. 44—54.

² Nov. Just. VII, praef., col. 46; cap. I, col. 49; cap. VI, col. 54.

³ Nov. Just., XXXVII.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. О гонениях, которым подвергались в Африке ариане после победы Юстиниана над вандалами, см. также Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 13, 14, 15; Id. Historia arcana, cap. XVIII, § 10.

⁶ Nov. Just., ed. Schoell. App. VI и IX.

⁷ Ibid., App. VI.

⁸ Имеются в виду *servi rustici*.

⁹ Nov. Just., ed. Schoell, App. IX. Это обстоятельство вынужден признать даже Ш. Диль. Впрочем в полном соответствии со своими реакционными политическими взглядами он изображает бегство колонов и сельских рабов из имений своих господ